

МЫ ТЕПЕРЬ ВСЕ ГОРОЖАНЕ¹

Герой современной русской прозы? Рассуждать о нём можно, только сразу дважды оговорившись: во-первых, он слишком многолик, пёстр, чтобы определить его даже в объёмной монографии, во-вторых, обзор-то узок: если о семидесятилетних авторах, которые у всех на слуху, можно что-то сказать, то сорокалетних ещё надо найти и прочесть. И всё-таки некоторые ориентиры видны.

Первое и главное: герой окончательно переехал из избы в каменный дом. Наследников Астафьева, Белова, Шолохова, которые бы свидетельствовали от имени социальных низов, не обнаруживается (или они измельчали). Дна-то много в современной прозе, но это – городское дно: бомжи, наркоманы, преступники. Герои Прилепина, Сенчина с их шустрым зазнайством начисто лишены романтизма, о своём происхождении не вспоминают и стремятся только обладать недвижимостью. Кто какие байки травит, плотничая, – их не интересует. Как-то всё разладилось, если под «ладом» понимать то же, что имел в виду Белов в своей книге. Умные ворчуны Маканина, парадоксалисты Пьецуха выродились в обыкновенных пролаз и прохиндеев, озабоченных недостатком общественного внимания к себе. Житиё пошло всё более мирное, всё более скученное, устроенное на умении «дружить» – мужество и коллективные тяготы героев на войне, в лагерях и на стройках века отошли в прошлое. Но авантажности и завоевательной экспансии англо-американских покорителей прерий и космоса всё равно что-то нет: живём в банке с пауками, друг друга жалим, за стены блочного многоэтажного жилого дома, хотя бы в сквер, не выходим. Поэтому в современной прозе маловато оптимизма, мажорного тона или хотя бы иллюзий, а герой какой-то всё более закупоренный, несмотря на светлые перспективы рыночных отношений.

Вот пример: не так давно вышла книга «Новые писатели: Форум молодых писателей России», второй выпуск. В ней почти 600 страниц, на прозаиков отпущено 400. А моё внимание привлёк только Илья Кочергин, представленный Е. Ермолиным, и то не с рассказом, а с путевым очерком «Красная палатка в снегах Килиманджаро». Чувствуется, что человек пишет с вдохновением, отбирая слова, и о том, что любит, – и при известной внутренней гармонии всё остальное приложилось: эстетические красоты, единство впечатления, живописность и романтичность. Нет мата, натурализма и невразумительных разглагольствований – и сразу, как говорится, другой колер. Может, всё дело в том, что герой-путешественник

---

¹ Литературная газета, 2009, №27. 1-7 июля. С. 6.

не заперт в квартире, а созерцает земную красоту? А мы теперь все горожане, куда нам!

В этом смысле призыв Л. Пирогова восстановить «маленького человека» в качестве героя не лишён оснований. Вопрос только в том, кто его пожалеет? Разве только социальная служба и правозащитники. Что до читателя, то он, мультиплицированный, воспитанный на Терминаторах, хоббитах, женских романах с непременным хеппи-эндом или хоть на Фандорине, – читатель, я уверен, не снизойдёт до нынешнего Акакия Акакиевича.

А между тем в смысле моральности, в смысле продолжения исконных традиций русской литературы – традиций Толстого, Тургенева, Достоевского – он-то, этот «маленький человек», и должен был бы возродиться. Вот он переехал из избы в каменный дом, лишил себя природного окружения и горизонта, вот тут-то и начались такие душевные переживания, которые можно бы со всем мастерством психологического анализа явить миру. Вот, мол, Акакий Акакиевич страдает: шинель у него украли, машину из гаража увели, льют ему на голову холодную воду.

Нет, ну воду-то на темя герою современной прозы льют давно: в романах М. Попова и антисоветских изысканиях Е. Попова льют, у М. Литова и М. Бутова льют, у А. Волоса и А. Слаповского льют. Что? Вот именно: недостаточно художественно льют воду, и мы не верим. Потому что при таком распространении аудио-, видео- и прочих средств коммуникации воздействие слова должно быть таково, чтобы мы ему поверили. Ну не болит у него ничего, у современного героя русской прозы, или эта боль не вызывает отклика у читателя, который живёт в мире насилия и стал невосприимчив. И у нас, и на Западе все давно и отлично поняли, в чём преимущества русской прозы. Задача современного русского прозаика, следовательно, в том, чтобы продлить и развить мажорный импрессионизм Бунина, старообрядческую основательность Шмелёва и Зайцева, демократизм Астафьева и Шукшина в новых достойных формах.

Вместе с тем, когда мы говорим о герое современной русской прозы, надо понимать, что широкое развитие потребительской литературы (исторические и футуристические фэнтези, детективы, «дамская» проза) оставляет для серьёзного прозаика узкий путь. Раз он сидит в каменном мешке, естественно, что он безудержно фантазирует, ловит и выводит на чистую воду преступников, соединяет в счастливом союзе очередную влюблённую пару. Но его-то собственная реальная сущность как современника, как данного субъекта в данных обстоятельствах остаётся невыраженной. Он же убегает от действительности в мир грёз. А его собственное положение не проявлено. Вместе с тем почему считается, что читатель хочет только «вранья»? Отнюдь. Противостояние «маленького человека» разрушительному воздействию «среды» – тоже очень занимательная тема, тоже помогает выживать в серых буднях. И необязательно при этом «Кафку делать былью»; есть превращения поближе к реальности и повседневности, более конструктивные и мобилизующие.

Чтобы организовать, скомпоновать героев в художественное полотно типа «Братьев Карамазовых», надо обладать прямо-таки сокрушительным жизненным опытом и большим талантом. В условиях городской суеты появление такого автора и таких героев маловероятно. Но это не значит, что надо сдаваться. Если видеосъемка забирает из художественной прозы её изобразительную часть, то интеллектуальная составляющая прозы всё равно никуда не девается. Если информированность возросла в разы, то человеческие ошибки и заблуждения всё равно остаются и требуют исследования.